

Muslims of Central Asia in Siberia in the Context of State-Confessional Policy in the second half of the 19th – early 20th centuries

Elena A. Shershneva¹ & Petr K. Dashkovskiy²

Altai State University. Barnaul, Russia

Received: 25 May 2024 | Revised: 6 July 2024 | Accepted: 14 July 2024

Abstract

The Muslim population of Siberia represented an ethnically heterogeneous community, which included Tatars, as well as immigrants from Central and Central Asia, the Caucasus and other regions. Such polyethnicity and proximity to the Asian region, as one of the centers of Muslim culture, contributed to building contacts between Muslims of Siberia and Central Asia. Expansion of the territorial borders of the Russian Empire in the second half of the 19th century. and the government's special interest in Central Asia has influenced the development of relations between the Muslim population of the two neighboring regions.

The purpose of this study was to identify the main areas of interaction between the Muslim population of Siberia and Central Asia in the second half of the 19th – early 20th century, as well as to estimate the role of the state in regulating this process. Based on archival material, the author found that one of the areas of interaction of the Muslim population was organizing spiritual life. Despite the fact that the government, in an effort to extend its influence to the Asian region, provided support to the Muslim population in the second half of the 19th century, the same building codes were applied to the construction of religious buildings for Bukharans, as for all other Muslims. The closest contacts between the Muslims of Siberia and the Bukharians were built within the framework of pilgrimage trips, since often the way to Mecca for them lay through the territories of Central Asia. In addition, there were holy places in the region, which the Muslims of Siberia aspired to. This fact was of particular concern to the Government. The reforms initiated in the country aimed at limitation of the rights of the Muslim population have reduced the migration flow from the Asian region to Siberia. The government paid special attention to the missionary activities of the Russian Orthodox Church as a tool for involving Muslims of Siberia and Central Asia in the socio-cultural space of the empire.

Keywords

Islam; Muslims; Siberia; Central Asia; Russian Empire; State and Confessional Policies

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: D2703[at]yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>

2 Email: dashkovskiy[at]fpn.asu.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7625-5865>

Мусульмане Центральной Азии в Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX – начале XX в.

Шершнёва Елена Александровна¹, Дашковский Пётр Константинович²

Алтайский государственный университет. Барнаул, Россия

Рукопись получена: 25 мая 2024 | Пересмотрена: 6 июля 2024 | Принята: 14 июля 2024

Аннотация

Мусульманское население Сибири представляло неоднородную в этническом плане общность, в которую входили татары, а также выходцы из Средней и Центральной Азии, Кавказа и других регионов. Такая полиэтничность и близость с азиатским регионом, одним из центров мусульманской культуры, способствовала выстраиванию контактов между мусульманами Сибири и Центральной Азии. Расширение территориальных границ Российской империи во второй половине XIX в. и особый интерес со стороны правительства к Центральной Азии оказали влияние на развитие отношений между мусульманским населением двух соседствующих регионов.

Целью данного исследования было выявление основных направлений взаимодействия мусульманского населения Сибири и Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX в., а также роли государства в регулировании данного процесса. Опираясь на архивный материал, автором было установлено, что одним из направлений взаимодействия мусульманского населения стала организация духовной жизни. Несмотря на то, что правительство, стремясь распространить свое влияние на азиатский регион, оказывало поддержку мусульманскому населению, во второй половине XIX в., для бухарцев действовали те же строительные нормы при возведении культовых зданий, что и для всех остальных мусульман. Наиболее тесные контакты мусульман Сибири с бухарцами выстраивались в рамках паломнических поездок, т. к. часто путь в Мекку для них пролегал через территории Центральной Азии. К тому же в регионе находились святые места, к которым стремились мусульмане Сибири. Данный факт вызывал особую обеспокоенность правительства. Начатые реформы в стране, направленные на ограничение прав мусульманского населения, сократили миграционный поток из азиатского региона на территорию Сибири. Особое внимание правительство уделяло миссионерской деятельности Русской православной церкви, как инструмента по вовлечению мусульман Сибири и Центральной Азии в социокультурное пространство империи.

Ключевые слова

Ислам; мусульмане; Сибирь; Центральная Азия; Российская империя; государственно-конфессиональная политика

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1 Email: D2703[at]yandex.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>

2 Email: dashkovskiy[at]fjpn.asu.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7625-5865>

Введение

Ко второй половине XIX в. в состав российского государства входят обширные территории с населением, исповедующим ислам. Пристальное внимание правительства в данный период уделялось Азиатским окраинам империи, т.к. данные территории имели важное геополитическое значение. Осуществляя политику продвижения вглубь Центрально-Азиатского региона, правительство считало необходимым обеспечить безопасность своим казахским владениям, аргументируя это опасениями относительно целостности государства (Васильев, 2022, с. 97–98). К тому же российское правительство включало территорию Центральной Азии в сферу своих социально-экономических интересов. Однако, решая социально-экономические и политические задачи, имперская власть не могла отстраниться от этноконфессиональных проблем. Увеличение численности мусульманского населения Российской империи в пореформенный период (Редкозубов, 2015, с. 989; Романовская, 2006, с. 149), требовало от правительства решения вопросов, связанных с правовым положением мусульманских общин на территории империи, а также взаимодействия с ними.

Одной из проблем, с которой столкнулось российское государство, являлась интеграция инородческого населения, исповедующего ислам на присоединенных территориях, в социально-политическое и культурное пространство империи. Такая заинтересованность правительства объяснялась давними контактами мусульманского населения Сибири со своими единоверцами из Центрально-Азиатского региона. По имеющимся данным, ислам проник в Сибирь в XIV–XVI вв. с территории Центральной Азии (Белич, 2004, с. 480–503). К тому же влияние выходцев из Центрально-Азиатского региона на своих единоверцев объяснялось этнической неоднородностью мусульманских общин Сибири. Мусульманское население, которое занимало важное место в этноконфессиональной карте Сибири, было включено в общеимперскую систему государственно-конфессиональных отношений (Дашковский & Шершнева, 2015, с. 242–264; Шершнева, 2024, с. 145–169; и др.). Оно было представлено в регионе татарами, казахами, выходцами из Центральной Азии, Кавказа и др. Российское правительство, стремясь к упрочению торговых связей с Востоком, стремилось к привлечению торговцев в Сибирь, предоставляя им дополнительные льготы. В результате этого уже в конце XVI в. в регионе появляются первые бухарские поселения (Тычинских, 2021, с. 113).

Целью данного исследования является рассмотрение положения выходцев из Центральной Азии, исповедующих ислам, в Сибири, в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

На основании архивных материалов, представленных в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного

архива Российской Федерации (ГА РФ), Национального архива Республики Башкортостан (НА РБ), Государственного архива Томской области (ГАТО), Исторического архива Омской области (ИАОО), нам удалось рассмотреть участие выходцев из Центральной Азии во второй половине XIX – начале XX в. в организации духовной жизни мусульманского населения Сибири. Наряду с участием в строительстве культовых зданий отмечается проповедническая деятельность среди мусульманского населения, которую осуществляли образованные выходцы как из Сибири, так и Центрально-Азиатского региона. В рамках совершения паломнических поездок, в том числе и по святым местам, располагающимся в Центральной Азии, выстраивались контакты между мусульманским населением Сибири с т.н. бухарцами. Архивные документы демонстрируют определенное участие представителей мусульманской культуры Центрально-Азиатского региона в социально-экономической жизни Сибири.

В качестве методологической основы исследования взяты принцип объективности и историзма, позволяющие рассмотреть роль выходцев из Центральной Азии в социально-экономической и духовной жизни мусульманского сообщества Сибири. К тому же следует отметить, что Сибирь, занимающая особое положение в имперской государственно-конфессиональной политике, являлась фронтирным регионом. Правительство стремилось к включению мусульманского населения Сибири в общеимперское социально-экономическое, культурное и политическое пространство. Однако данный процесс следовало проводить постепенно, учитывая этноконфессиональные особенности проживающего в регионе населения. При подготовке работы применялись общенаучные (анализ, синтез, обобщение), а также специальные исторические методы (историко-генетический и ретроспективный). Совокупность данных методов позволяет раскрыть неоднозначность положения мусульманского населения в рамках реализуемой в государстве конфессиональной политики. Анализ источниковой базы позволил выявить основные направления деятельности мусульманского населения Центральной Азии в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

В последние годы особый интерес исследователей обращен к вопросам регулирования национальных отношений на приграничных территориях Российской империи, и, в частности её Центрально-Азиатских окраинах. Ученые анализируют имперский опыт национальной политики в рамках полиэтничного государства. При этом не обходят стороной вопрос регулирования конфессиональных отношений на данных территориях (Лысенко, Анисимова, Тарасова & Стурова, 2014; Центрально-Азиатский регион Российской империи в условиях фронтирной модернизации, 2021; Лысенко, 2012; Васильев, 2022; Брюханова, Неженцева & Чекрыжова, 2021).

Отдельное внимание исследователей уделяется вопросам паломничества мусульманского населения (Набиев & Гафаров, 2012; Нуриманов, 2019;

Литвинов, 2020; Дашковский & Шершнева, 2023), а также социально-экономическому положению представителей исламской традиции (Почекаев, 2017; Тычинских, 2021). Несмотря на это, авторами практически не уделяется внимание вопросу взаимоотношения мусульман Сибири со своими единоверцами из Центральной Азии. Остается вне поля зрения специальных научных исследований роль выходцев из Центральной Азии в организации духовной жизни мусульманских общин Сибири.

Взаимодействие мусульман Сибири с народами Центрально-Азиатского региона в организации духовной жизни

Старожильческое мусульманское население Сибири было представлено преимущественно татарами, бухарцами и казахами, которые, на основании Устава «Об управлении инородцев» (1822 г.), относились к сословию инородцев. При этом сибирские татары, как отмечали исследователи, основываясь на анализе племенного состава населения Сибири, сделанного С. К. Паткановым, были разделены на несколько групп, к которым относились тоболо-иртышские, барабинские и томские татары (Карих, 2004; Патканов, 1911, Т. 2; Патканов, 1912, Т. 3). Данные этнические группы проживали во второй половине XIX в. на юге Туринского и Тобольского округов, а также занимали территорию Тюменского, Тарского и Ялуторовского округов Тобольской губернии. В Томской губернии они проживали на юге Томского и севере Кузнецкого округов, а также на территории Барабинской степи, и числились в 4 волостях Каинского округа.

Бухарцы занимали территории Тобольского, Тюменского и Тарского округов Тобольской губернии, а также Томский округ Томской губернии. Бухарцы обычно образовывали свои отдельные селения по соседству с татарскими поселками.

Казахи проживали в юго-западных степных районах Барнаульского и Змеиногорского округов. Однако, уже по данным переписи 1897 г., их численность сократилась, и они начали селиться среди русского и татарского населения, не формируя собственных поселков. В Тобольской губернии представители казахского этноса, несмотря на то, что их было значительно меньше по сравнению с Томской губернией, кочевали в южных степях Ишимского, Курганского и Тюкалинского округов, где к началу XX в. также находились уже крестьянские переселенческие поселки (Карих, 2004, с. 59)

В Иркутской и Енисейской губерниях мусульманское население было преимущественно представлено татарами, которые проживали в Ачинском, Канском, Красноярском и Минусинском округах Енисейской губернии, в Иркутской губернии основными центрами расселения татар стали Иркутский, Балаганский им Нижнеуденский округа (Патканов, 1911, Т. 2, с. 321–324;

Патканов, 1912, Т. 3, с. 434–437). Во второй половине XIX в. этнический состав мусульманского населения Сибири в определенной степени расширяется, за счет переселенческих процессов, происходивших в стране. На территорию Сибири, наряду с русскими крестьянами переселенцами, переселяются татары Поволжья и Приуралья. В Енисейской губернии к началу XX в. переселенцы с регионов Кавказа и Центральной Азии составили по 1% от всего приезжего населения (Баранцева, 2009, с. 36).

Согласно Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Сибири, а именно в Енисейской, Иркутской, Томской и Тобольской губерниях, проживало 37297 человек выходцев из Центральной Азии. Таким образом, они составили 31,7% всего мусульманского населения региона (Наличие населения обоого пола..., 1905, с. 52–56; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904, Т. XXVI, с. 36–37; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Т. LXXV, с. 26–27; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Т. LXXXIII, с. 26–27; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1905. Т. LXXVIII, с. 42–43).

Опираясь на данные Первой Всероссийской переписи населения, мы можем отметить, что лишь 5,7% (6652 человека) мусульман Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской губерний проживало в городах. Самый большой процент мусульманского городского населения приходился на Восточную Сибирь и составлял 27,3% в Енисейской и 15,5% в Иркутской губерниях соответственно от всего населения, исповедующего ислам в данных регионах (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904, Т. XXVI, с. 36–37; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Т. LXXV, с. 26–27; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Т. LXXXIII, с. 26–27; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1905. Т. LXXVIII, с. 42–43). Данный факт позволяет сделать вывод о том, что большая часть мусульман, проживающих в Сибири, была задействована в аграрном секторе. Такой же точки зрения придерживается и Е. В. Карих, указывая, что 70–80% мусульманского населения на территории Западной Сибири (Томской и Тобольской губерний) занималось земледелием. Согласно имеющимся данным, самый большой процент мусульманского населения, занятого в торговле – 8,4%, – проживал в Томском округе. 3,4% торговцев-мусульман проживало в Тюменском округе, а в остальных округах Западной Сибири данный процент составлял 1–2%. При этом в данном секторе преимущественно были заняты бухарцы и казанские татары. Небольшая доля – 2% татарского населения, исповедующего ислам, – была занята в ремесленном производстве. В Тобольской губернии численность мусульманского населения, задействованного в торговле, была значительно выше и составляла 9–13%. В ремесленном производстве было занято при этом 2% последователей ислама (Карих, 2004, с. 83). В Восточной

Сибири процент мусульманского населения, занятого торговой деятельностью, был достаточно высоким. Так, согласно Первой всеобщей переписи населения, в Енисейской губернии процент мусульман в сфере торговли составил 5,4% от всего населения губернии, вовлеченного в данную отрасль, а в Иркутской – 7,8%. При этом население, занятое в сельском хозяйстве, и в частности, занимающиеся земледелием, не превышало в двух этих губерниях 3,4% от всех жителей, задействованных в данной отрасли. При этом следует отметить, что в Енисейской губернии 84% мусульман, согласно Первой всеобщей переписи населения, были заняты сельскохозяйственной деятельностью. В Иркутской губернии данный процент был значительно ниже, и составлял 15% от всего мусульманского населения региона (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904. Т. LXXXIII, с. 116–155; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., 1904, Т. LXXV, с. 110–145). Однако, на наш взгляд, такое распределение населения по роду занятий осуществляется на основании принадлежности к языковой группе, что позволяет нам выявить только основные тенденции занятости населения, принадлежавшего к конкретной конфессиональной группе.

Если обратить внимание на сословную принадлежность жителей Сибири, исповедующих ислам, то становится ясно, – большинство из них относилось к крестьянскому и инородческому сословиям, что и определяло основной их род занятий. Несмотря на то, что в Иркутской губернии процент занятого сельскохозяйственной деятельностью мусульманского населения был не очень большим, в остальных профессиональных группах он был ещё ниже. Наиболее крупные общины мусульман в городах Сибири встречаются в Томске, Иркутске, Енисейске, Таре, Тобольске и Тюмени (Брюханова, Неженцева & Чекрыжова, 2021, с. 142).

Рост численности мусульманского населения в составе Российской империи, и, в частности, в Сибирском регионе, потребовал от правительства решения вопросов, связанных с удовлетворением их духовных потребностей.

Ещё в начале XVIII в. был издан указ, согласно которому запрещалось без особого дозволения проповедникам ездить к инородцам и строить мечети в Сибири. В результате этого сибирский губернатор получил право выдавать разрешение на строительство мечетей в губерниях Сибири (Ищенко, 2016, с. 240; ПСЗ – I, т. XVIII, №13336). Наряду с этим, в российском законодательстве были закреплены нормы и правила по возведению мечетей. Основными требованиями, предъявляемыми со стороны правительства к мусульманским общинам, желающим построить культовое здание, являлись численный состав общины, а также её финансовая состоятельность. Данные требования были связаны с тем, что строительство и содержание здания мечети осуществлялось за счет членов самой общины. Такие требования касались всех этнических групп мусульманского населения, проживающего на территории Сибири.

В связи с тем, что все расходы по строительству и содержанию культового здания мусульмане должны были взять на себя, не все общины Сибири могли себе позволить строительство даже разрешенной мечети. В таких случаях наиболее обеспеченные члены общины стремились оказать финансовую поддержку при возведении культового здания. Примером этому может служить обращение в Оренбургское магометанское духовное собрание выходца из Центральной Азии, поданное им в 1859 г. с просьбой разрешить именно ему построить молитвенный дом для бухарцев, поскольку сама община средств на постройку разрешенной каменной мечети не имела. В свою очередь, Тобольское губернское правление обратилось с просьбой в Оренбургское магометанское духовное собрание разъяснить, нет ли препятствий в отношении постройки вместо утвержденной ранее каменной мечети молитвенного дома. Однако данная переписка не ограничилась только ответом Оренбургского магометанского духовного собрания. В свою очередь, Оренбургское магометанское духовное собрание просило разобрать губернские власти и ответить, нет ли препятствий со стороны городских властей на возведение бухарцами молитвенного дома. Кроме того, необходимо было выяснить, что мешает бухарцам посещать имеющиеся в городе мечети, и действительно ли получено ими ранее разрешение на постройку каменной мечети. В результате данного запроса от местной полиции был затребован план городского строительства, согласно которому еще в 1851 г. был отведен участок под №134 для постройки мечети. Самими бухарцами пояснялось, что молитвенный дом они хотят построить в силу немногочисленности своей общины и нехватки средств на строительство мечети. Они также подчеркивали, что посещают существующие в городе мечети. Однако поскольку в городе много жителей исповедовали ислам, в праздники места всем в мечетях часто просто не хватало. Кроме того, они указывали, что мечети находились далеко от их домов, поэтому они не всегда могли полноценно исполнить предписания своей религии. В связи с тем, что «Устав строительный» (ст. 260) оговаривал только нормы строительства мечетей, а о нормах возведения молитвенных домов никаких данных не было, бухарцы просили войти в их положение и разрешить постройку культового объекта такого типа. Губернское управление в свою очередь передало данное прошение в Главное управление Западной Сибири. Кроме того, губернские власти просили ускорить процесс передачи сведений от Оренбургского магометанского духовного собрания о том, могут ли указанные причины стать основанием для разрешения постройки молитвенного дома вместо мечети. В 1860 г. Генерал-губернатором Западной Сибири было указано, что замена мечети молитвенным домом считается невозможной, т.к. это отдалит ее строительство на неопределенный срок. Данное решение представитель имперской власти в регионе просил сообщить тем, кто направлял запрос (НА РБ, 1852–1860 л. 10–20).

Пристальное внимание со стороны правительства к возведению культовых зданий мусульманским населением, а затем и назначению в них лиц духовного звания на территории Сибири объяснялось тем, что она граничит с Азиатской степью. Именно территория Центральной Азии рассматривалась как оплот исламской культуры, а мусульманское духовенство могло быть проникнуто, по мнению чиновников, духом религиозного фанатизма. Таким образом, несмотря на то, что имперская власть была заинтересована в расширении границ государства на азиатских окраинах, отношение к мусульманскому населению продолжало оставаться в определенной мере настороженным. Отступление от правил строительства культовых зданий для представителей мусульманской традиции, являющихся выходцами из Центрально-Азиатского региона, могло, по мнению чиновников, усилить влияние ислама на население Сибири и привести к ослаблению границ государства (ИАОО, 1856–1859, л. 35–35 об.).

В результате, несмотря на заинтересованность со стороны правительства по включению населения центрально-азиатского региона в социально-экономическое и политическое пространство империи, государственными органами подчеркивался тот факт, что только Русская православная церковь, являясь государственной конфессией, может рассчитывать на финансовую поддержку со стороны государства. Остальные, даже терпимые конфессии, не могут претендовать ни на какую финансовую помощь в решении своих религиозных потребностей (РГИА, 1868, л. 7).

Вопрос об оказании материальной поддержки религиозным общинам возник не случайно, т.к. мусульмане г. Омска обратились в губернские органы власти с просьбой оказать им финансовую помощь при осуществлении ремонта мечети. В рамках рассмотрения данного дела было установлено, что изначально мечеть строилась по разрешению Министерства внутренних дел и за государственный счет. При мечети также был возведен посольский дом. Данный комплекс был построен с целью удовлетворения религиозных и бытовых потребностей мусульман, приезжающих в регион из Центральной Азии по долгу службы (РГИА, 1862–1869, л. 1–6; РГИА, 1863, л. 2–8). Однако в результате рассмотрения данного дела генерал-губернатором Западной Сибири было сделано заключение, согласно которому мечеть была передана на полное содержание мусульманской общины г. Омска, т.к. правительство больше в ней не нуждалось, а посольский дом планировалось продать с торгов, как утратившей свою значимость (РГИА, 1868, л.7). Рассмотрение данного дела указывает на тот факт, что с укреплением своих позиций в азиатском регионе российские власти постепенно переставали искать поддержки у населения. Таким образом, мусульмане, являющиеся выходцами из Центральной Азии, оказывались уравниены в правах с остальным мусульманским населением Российской империи, а решение вопроса удовлетворения их духовных потребностей возлагался на саму общину.

Наряду с возведением культовых зданий, важным аспектом религиозной жизни мусульманских общин являлась организация учебных заведений при них. В мусульманской среде на протяжении нескольких столетий складывалась собственная система школьного образования, которая была построена на религиозных основах. Государственные чиновники, опасаясь распространения религиозного фанатизма, а также антиправительственных настроений среди мусульманского населения, стремились реформировать систему школьного образования с помощью внедрения т.н. русско-инородческих школ. Данный тип учебных заведений распространялся как на территории Сибири, так и Центральной Азии. Этот регион был выбран не случайно, т.к. территория Центральной Азии в определенной степени рассматривалась как политически неблагонадежный регион. При этом мусульмане Сибири имели тесные контакты со своими единоверцами, проживающими на азиатских окраинах империи (Нам, 2000, с. 74).

Данные контакты в сфере образования подтверждаются отчетами Министра народного просвещения, предоставленными генерал-губернатору Западной Сибири. В своих отчетах чиновник обращал внимание, что выпускники медресе Западной Сибири переселяются под видом кузнецов в центрально-азиатские регионы и осуществляют там проповедническую деятельность, что негативно сказывается на формировании российской идентичности на азиатских окраинах империи (ГАТО, 1877–1878, л. 15–18). С целью установления контроля над мусульманским населением и ограничения влияния исламских проповедников на своих единоверцев, в том числе проживающих на азиатских окраинах империи, во второй половине XIX в. появился Проект положения ученических квартир. В рамках данного проекта в г. Омске были организованы ученические квартиры для мальчиков из киргизских (казахских) семей, обучающихся в гимназии (Недзелюк, 2023, с. 159). Данные меры были направлены на приобщение мусульман азиатских окраин Российской империи к русской культуре.

Фактор благонадежности в межкультурном диалоге мусульманского населения Сибири и Центральной Азии

Признавая за исламом статус терпимой конфессии, российское правительство стремилось к установлению контроля над мусульманским населением путем выстраивания отношений с духовенством, а в Центральной Азии ещё и с политическими элитами (Васильев, 2006, с. 32). Опасаясь распространения в Центрально-Азиатском регионе антиправительственных идей, правительство считало необходимым ввести ограничения доступа в данный регион подданных мусульманских стран (Тихонов, 2008, с. 238). Данные ограничения необходимы были также в связи с тем, что фактором, способствующим этноконфессиональной стабильности российских мусульман, являлись их

контакты со своими единоверцами из-за рубежа, а также проживающими в Центрально-Азиатском регионе мусульманскими проповедниками. Одним из источников таких контактов с единоверцами являлась торговля с мусульманскими странами. Выстраивая торговые контакты с единоверцами, мусульмане получали от них предметы культа и быта. Кроме того, через организацию торговых связей на территорию России проникали мусульманские учителя и проповедники. Для мусульман Сибири на протяжении долгого времени основным источником получения религиозных знаний и традиций оставалась территория Центральной Азии. Тесные контакты с данным регионом позволяли получать образование у мусульманских учителей (Набиев & Гафаров, 2012, с. 37).

Следует также отметить, что, несмотря на попытки регламентации поселения иностранных подданных на территории России, государство оставалось для них максимально закрытым. Имперские власти всячески стремились к ограничению внешних миграций, восполняя данный процесс переселения внутри страны (Квакин, 2007, с. 37–40). Ещё в 1854 г. Главным управлением Западной Сибири на имя Томского губернатора была направлена бумага, которая предписывала устанавливать тайный контроль над лицами, пребывающими из Хивы и Бухары, а также персами, появляющимися на территории губернии (ГАТО, 1854–1855, л. 3–8).

К началу XX в. стал особенно актуальным вопрос проникновения пантюркистских и панисламистских идей на территорию Российской империи. Распространение антиправительственных идей, а также осложнившаяся международная обстановка потребовали пристального внимания от правительства к такому явлению мусульманской культуры, как хадж. Османская империя и Персия рассматривали российских паломников в данный период как инструмент, способствующий дестабилизации в российском государстве. Турция, являясь главным организатором паломничества мусульман со всего мира, стремилась обеспечить им наиболее комфортное и безопасное передвижение до святой земли. Таким образом, Османской империей был объявлен сбор средств на строительство железной дороги из Константинополя в Мекку, в котором активное участие приняли также мусульмане России и Центральной Азии (Нуриманов, 2019, с. 85).

Активная позиция мусульманского населения Российской империи, а также увеличение его численности во второй половине XIX в. заставили Министерство иностранных дел включиться в вопросы организации паломничества и миграции. Ведомство курировало процесс подготовки различного рода аналитических справок и документов. Хадж при этом начал рассматриваться чиновниками как явление неизбежное, но приносящее только вред (Арапов, 2004, с. 210–212). Такое отношение со стороны российских чиновников было не случайным. В данный период обращает на себя внимание провокационная политика турок. Обострение отношений с Турцией объяснялось пози-

циями Российской империи в Центральной Азии. Места паломничества в ряде случаев становились центрами притяжения турецких агентов, которые вели агитационную работу среди мусульман по дестабилизации обстановки в стране. В частности, их деятельность получала распространение на территории Центральной Азии. Например, в 1916 г. в Туркестане был арестован Каракум-ишан, призывавший паломников-мусульман собирать деньги в поддержку Германии и Османской империи (Литвинов, 2016, с. 56–58).

Обеспокоенность со стороны правительства вопросами распространения антиправительственных идей на территории Центральной Азии, может объясняться ещё и тем, что мусульмане Сибири, наряду с Меккой, центром исламской культуры и духовности считали территорию Центральной Азии. В азиатском регионе располагалось большое количество «святых мест», поклониться которым стремились мусульмане Российской империи. Так, сибирские татары семикратное посещение астаны Хаким-ата приравнивали к хаджу в Мекку. Следует отметить, что для мусульман Сибири посещение могил святых является неотъемлемой частью культовой практики. Особое внимание российские мусульмане уделяли хранителям «святых мест». Хранители получали доходы от паломничества, а также могли претендовать на материальные и денежные пожертвования. Таким образом, в Российской империи контроль над «святыми местами» на территории Центральной Азии представлялся весьма почетным и прибыльным занятием (Литвинов, 2020, с. 785–786; Ислам в России и Евразии XVI – XXI вв., 2021, с. 168–189).

Вызывала обеспокоенность царской администрации и статистика паломнических поездок. Согласно данным на 1898 г., Мекку посетили 1795 российских подданных. При этом большая их часть являлась выходцами из Центральной Азии, особенно из Ферганской долины. При этом остановить процесс паломничества государственным органам не представлялось возможным, т.к. паломники часто уходили в Мекку и без паспортов (Нуриманов, 2007).

Несмотря на то, что точных сведений о количестве паломников из Сибири не сохранилось, косвенные свидетельства указывают на то, что некоторые представители мусульманских общин данного региона посещали Мекку, а вместе с тем и Стамбул. Данный факт находит подтверждение в том, что большинство мусульманских книг, получивших распространение в учебных заведениях сибирского региона, были привезены из паломнических поездок. Так, только в Ембаевском медресе (г. Тюмень) в 1913 г. насчитывалось 2200 книг, купленных в Египте, Сирии и Иерусалиме во время паломнических поездок меценатом Нигматтулой Сайдуковым (Набиев & Гафаров, 2012, с. 39).

О совершении паломнических поездок мусульманами Сибири свидетельствуют и архивные данные, среди которых Енисейским губернатором было обращено внимание на возможные факты нелегального совершения хаджа мусульманами губернии (ГА РФ, 1890, л. 93).

Таким образом, российские власти беспокоил не только вопрос посещения мусульманами Российской империи Мекки, но и выстраивание ими в рамках данного процесса отношений со своими единоверцами в Центральной Азии. Отправляясь в хадж, мусульмане Сибири выбирали для себя наиболее удобный путь, который проходил через Самарканд, Бухару и территорию Афганистана, где вступали в тесное взаимодействие со своими единоверцами (Нуриманов, 2019, с. 83–84). В период достаточно сложного и долгого пути мусульмане получали возможность пополнить свои религиозные знания в результате общения с учителями проповедниками, проживающими на данных территориях. Во время хаджа мусульмане стремились удовлетворить все свои духовные потребности, а некоторые из них, проделав сложный путь и преодолев все административные преграды, стремились остаться в Турции. Консулом в Джидде отмечалось, что достаточно большое количество представителей Центральной Азии даже не планировало возвращаться на родину (Набиев & Гафаров, 2012, с. 38). Не следует, однако, забывать, что для Сибири данные процессы могли представлять угрозу в том плане, что мусульмане, проживающие в регионе, имели определенные контакты со своими единоверцами из Центральной Азии, которые существенно больше были включены в данный процесс.

В связи с этим, несмотря на слабую вовлеченность мусульманского населения Сибири в процесс совершения хаджа, для российского правительства оставалось весьма важным установление контроля над их контактами. Несмотря на территориальное расположение святынь, мусульмане в местах поклонения выстраивали тесные социальные связи со своими единоверцами и распространяли не только религиозные, но и определенные политические идеи.

Социально-экономические контакты мусульманского населения Сибири и Центральной Азии

Мусульманское население Сибири долгое время рассматривалось российским правительством как инструмент по выстраиванию социально-экономических отношений с Центрально-Азиатским регионом. В XVIII в. русские купцы, ведя торговлю с Центральной Азией, нанимали в приказчики татар и бухарцев (Клюева, 2005, с. 134). Одним из основных центров центральноазиатской торговли стала Ирбитская ярмарка, значение которой для мусульманского населения Сибири и Центральной Азии оставалось весьма актуальным и в XIX в. На ярмарке выстраивались не только торговые контакты с единоверцами, но и организовывалась благотворительная деятельность. На них собирались средства на строительство мечетей и учебных заведений, а также оказание помощи нуждающимся (Таиров, 2008, с. 98; Зияев, 1983).

Активная социально-экономическая позиция мусульманского населения оказывала влияние на экономическую жизнь городов Сибири. Мусульмане, как правило, жили отдельными слободами на окраине городов и опирались на экономический потенциал своих собратьев из ближайших деревень. Отдельную категорию мусульманского населения Сибири представляли бухарцы и ташкенцы, которые составляли преимущественно собственные поселки. Однако в некоторых случаях они входили в единый поселок с татарами, объединяясь с ними по принципу религиозной принадлежности (Тычинских, 2021, с. 115). К тому же, как отмечает Е. В. Карих, к концу XIX в. наблюдается процесс ассимиляции сибирских бухарцев с татарским населением региона (Карих, 2004, с. 38). Однако, именно эти мусульмане вели активную торговую деятельность с азиатским регионом (Ивонин, 2011, с. 112; Томилов, 1981, с. 119).

Численность мусульманского купечества, представленная выходцами из Центральной Азии, была в Сибири незначительной, однако существует упоминание о некоторых представителях бухарских купеческих фамилий. Так, сохранились сведения о купце первой гильдии Р. Айтыкине, проживавшем в Тобольской губернии, имевшем пароходство (Бойко, 2009, с. 47). Представители данной фамилии были включены в благотворительную деятельность региона. Известны также такие фамилии купцов, происходивших из сибирских бухарцев, как Айтмухаметовы, Муртазины и Мирсалимовы, которые сыграли важную роль в социально-экономической жизни мусульманских общин Сибири (Тычинских, 2017, с. 197; Бакиева, 2017 с. 27–28). Представители данных фамилий вели активную благотворительную деятельность, занимались строительством культовых зданий и открытием учебных заведений при них.

Начиная со второй половины XIX в., меняется отношение к татарским купцам в Центрально-Азиатском регионе. Если в начале века они являлись посредниками между Российским государством и аборигенным населением, то начиная с 60-х гг. XIX в. правительство принимало меры по вытеснению татар из степи. В рамках такой политики татарам запрещалось приобретать землю и недвижимое имущество в Центрально-Азиатском регионе (ПСЗ – III, т. VI, № 3814; Ремнев, 2006, с. 7, 14). Следует отметить, что в этот период Центрально-Азиатский регион начинает интересовать российское правительство как источник сырья и сбыта в условиях развивающихся модернизационных процессов Российской империи (Захаров & Суздалева, 2023, с. 27). В связи с этим политика правительства в данный период была направлена на постепенное приобщение мусульманского населения региона к русской культуре и быту.

Однако, несмотря на все попытки со стороны правительства по приобщению мусульманского населения к русской культуре, оно стремилось к сохранению своей этнорелигиозной идентичности. Наиболее обеспеченные выходцы Центрально-Азиатского региона, представившие собой во второй

половине XIX в. категорию старожилов, оказывали финансовую поддержку своим единоверцам с целью их укрепления в вере. В 1898 г. бухарцем юрт Ембаевских Тобольской губернии было подано прошение в Оренбургское магометанское духовное собрание с ходатайством перед Министерством внутренних дел о принятии его пожертвования в сумме 19000 рублей в пользу мечети на вечное пользование. Кроме того, сообщалось, что жертвенный капитал будет внесен в Тюменское отделение государственного банка. Все указанные проценты от жертвенного капитала необходимо было тратить на содержание мечети, библиотеки и другие объекты, а также на священнослужителей. Министерством внутренних дел было дано распоряжение о разрешении принять пожертвование от бухарца Нигматуллы Кармышакова Сейдукова и занести в установленную книгу. При этом распоряжаться после смерти Н. К. Сейдукова получаемыми от вклада процентами имело право Оренбургское магометанское духовное собрание. Указанное учреждение с особой тщательностью следило за распоряжением жертвенными средствами, запрашивая отчеты об их распределении с назначенного мутавакия (НА РБ, 1898, л. 2–6).

Ко второму десятилетию XX в. мусульманское население Сибири начинает включаться в политическую жизнь страны. Особенно выделился в данном процессе общественный и политический деятель Г. Ибрагимов, происшедший из сибирских бухарцев г. Тары Тобольской губернии. На страницах издаваемых им газет «Ульфэд», «Шакирд», «Мираат» освящались вопросы правового положения мусульманского населения в российском государстве. В своем произведении «Утренняя звезда» А. Г. Ибрагимов критиковал политику российского правительства в области образовательной политики, считая, что мусульманские народы должны получать образование на родном языке (Водкова, 2007, с. 7).

Такая активная позиция мусульманского населения Сибири в начале XX в. привела к более пристальному вниманию со стороны правительства к представителям исламской традиции. К тому же настороженному отношению к представителям исламской культуры со стороны государственных чиновников способствовал созданный в 1915 г. представителями прогрессивной мусульманской общественности, уехавшими в Европу после Первой русской революции, в Стамбуле, Комитет защиты прав мусульманских тюрко-татарских народов России. Примечательно, что среди создателей данного комитета был тот же выходец Тобольской губернии А. Г. Ибрагимов. Данная организация в созданном ей Меморандуме изложила основные идеи, среди которых прозвучала потребность в создании единой государственности для мусульманских народов, проживающих в пределах Российской империи, создание для казахов, проживающих от Урала до Туркестана, административной автономии, а также восстановление полной независимости Бухарского и Хивинского ханств. Озвучивая свои идеи, представители мусульманской обще-

ственности были приняты на высоком уровне в ряде европейских государств, что, безусловно, не осталось незамеченным в России, где их обвинили в сепаратизме (Исхаков, 2014, с. 29).

Несмотря на то, что правительство стремилось ограничить контакты мусульман со своими единоверцами из-за рубежа, в том числе используя административно-правовой ресурс, в конце XIX в. наблюдались массовые посещения русских мусульман гостями из-за границы, которые называли себя родственниками, и свое пребывание на территории Российской империи фиксировали как гостевое. Подобного рода процессы происходили на территории всей России, и Сибирь не являлась исключением. Так, ташкентский выходец просил причислить его к общине казахов, после прибытия туда в гости со своими родственниками. Органами власти было установлено количество семьи, скота, род деятельности и то, что он раньше не привлекался к суду и не наказывался. Исполняющему обязанности военного губернатора было доложено, что казахи данного региона берут на себя ответственность за него. Кроме того, было приказано в соответствии со ст. 981 Устава о податях (1857 г.) обложить его ясаком. В итоге было решено принять данного иностранца в подданство России, приписав его к казахской общине (ИАОО, 1858, л. 2–3). В целом, следует отметить, что в XIX в. большая часть ташкентцев и бухарцев, проживающих на территории Сибири, определяла свой статус как «гостевой». К середине века их численность превышала 10 тыс. человек. Однако начавшиеся реформы во второй половине XIX в. приостановили миграционный процесс мусульманского населения с азиатских территорий (Зияев, 1968, с. 41).

В связи с тем, что сибирские бухарцы во второй половине XIX в. постепенно сливались с татарским населением и были преимущественно заняты в аграрном секторе страны, на них начинают распространяться вводимые правительством правовые нормы. Однако это привело к недовольству в их среде и вызвало ряд обращений. В 1911 г. Министру внутренних дел было направлено прошение от общества бухарцев Тюменского уезда Тобольской губернии, в котором они указывали на факт предоставления их предкам ряда льгот (РГИА, 1895–1897, л. 1–5, 10; Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, 1989). В 1902 г. аналогичное обращение на имя Императора было направлено инородцами (сибирскими бухарцами) Тюменского уезда Тобольской губернии (РГИА, 1910, л. 2–5). В целом, подобные меры вызывали недовольство бухарцев своим правовым положением. В своих обращениях они неоднократно ссылались на грамоты, которые им были дарованы ещё Екатериной II и подчеркивали их особое положение на территории Сибири (РГИА, 1907–1916, л. 404–406). К тому же выходцы из Центрально-Азиатского региона по-прежнему, старались сохранить свое особое волостное управление. В XIX в. в Тобольской губернии бухарцы, проживавшие преимуще-

ственно в Тобольском, Тюменском и Тарском округах, составляли в каждом из них Бухарскую волость (Карих, 2004, с. 48).

Выводы

Таким образом, территория Сибири представляла собой уникальный регион, где мусульманское население было представлено различными этническими группами. Достаточной большой процент из них занимали выходцы из Центральной Азии. Именно присутствие в Сибири представителей Центрально-Азиатского региона, а также непосредственное соседство с ним требовало от правительства более пристального к нему внимания. Выстраивание отношений с представителями исламской традиции позволяло имперской власти не только обеспечить политическую стабильность в регионе, но и укрепить свои позиции в Центральной Азии. Особую этническую группу в Сибири, как приграничном регионе, составляли т.н. бухарцы и ташкентцы. Данные выходцы из Центрально-Азиатского региона составляли в Сибири преимущественно отдельные поселения. При этом основным их родом занятий была торговля. Именно Торговые связи мусульман Сибири позволяли выстраивать им тесные контакты со своими единоверцами из Центрально-Азиатского региона. Российское правительство, стремясь упрочить свое положение в азиатском регионе, стремилось изначально к поддержке этих контактов. Для выходцев из Центральной Азии в г. Омске была построена мечеть и посольский дом, купцам предоставлялись льготы для ведения торговли в России, а переселяющиеся на территории Сибири бухарцы получали грамоту на бессрочное владение землями. Однако, опасаясь влияния на мусульман Российской империи, имперские власти постепенно начинали отходить от мер, направленных на поддержку выходцев из Центральной Азии.

Серьезное опасение чиновников вызывало влияние мусульман азиатского региона на своих единоверцев, и в особенности проживающих на территории Сибири. Для мусульман Сибири Центральная Азия являлись оплотом мусульманской культуры и традиции. Именно в культуре мусульман-сибиряков сложилось понятие «святых мест», большинство из которых располагалось в азиатском регионе, и к которым стремились многие мусульмане, заменяя хадж поклонениям могилам святых.

Стремясь ограничить влияние мусульман Центрально-Азиатского региона на своих единоверцев в Сибири, правительство постепенно распространяет на них те правовые нормы, которые регламентировали жизнь мусульман на территории Российской империи. Данные нормы касались как строительства культовых зданий, так и распространения внедрения русско-иностранческих школ.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта РНФ «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (проект №23-18-00117).

Список литературы

- Арапов, Д. Ю. (2004). *Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.)*. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
- Бакиева, Г. Т. (2017). Сибирско-татарские купцы Тобольска в конце XIX – начале XX века. В *Российская провинция как социокультурное поле формирования гражданской и национальной идентичности: Сборник статей* (с. 27–30). Елабужский институт (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет».
- Баранцева, Н. А. (2009). Переселение в Енисейскую губернию во второй половине XIX – начале XX века: Этосоциальные и демографические аспекты. *Вестник Челябинского государственного университета*, 38, 33–40.
- Белич, И. В. (2004). О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири. В *Проблемы истории Казани: Современный взгляд: Сборник статей* (с. 480–503).
- Бойко, В. П. (2009). *Купечество Западной Сибири в конце XVIII – XIX в. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории*. Издательство Томского государственного архитектурно-строительного университета.
- Брюханова, Е. А., Неженцева, Н. В., & Чекрыжова, О. И. (2021). Мусульманское население в городах Сибири: По материалам переписи 1897 года. *Журнал Фронтирных Исследований*, 6(4), 135–154. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.338>
- Васильев, Д. В. (2006). История исламской политики в Российской империи. В *Форумы российских мусульман на пороге нового тысячелетия* (с. 27–36). Издательство Нижегородского исламского медресе «Махинур».
- Водкова, В. Н. (2007). Книжная культура Сибирских татар (XIX – начало XX в.). *Библиосфера*, 2, 5–12.
- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). (1890). Ф.102. Оп. 47. Д. 314.
- Государственный архив Томской области (ГАТО). (1854-1855). Ф. 3. Оп. 2. Д. 624.
- Государственный архив Томской области (ГАТО). (1877-1878). Ф. 125. Оп. 1. Д. 597.
- Дашковский, П. К., & Шершнева, Е. А. (2015). Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. *Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе*, 8, 242–264.

- Дашковский, П. К., & Шершнева, Е. А. (2023). Хадж как элемент пространственной мобильности мусульманского населения Сибири в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. *Журнал Фронтальных Исследований*, 8(3), 90–110. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.512>
- Захаров, В. Ю., & Суздалева, Т. Р. (2023). В преддверии «Большой игры»: Особенности политики Российской империи в Центральной Азии в XVIII – первой половине XIX вв. *Журнал Фронтальных Исследований*, 8(3), 15–34. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.530>
- Зияев, Х. З. (1968). *Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.)*. «Фан».
- Зияев, Х. З. (1983). *Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв.* «Фан».
- Ивонин, А. Р. (2011). Этноконфессиональная ситуация в городах Западной Сибири в дореформенный период. В *Избранные труды Александра Романовича Ивонина по истории Сибири* (с. 108–113). И.
- Ислам в России и Евразии XVI – XXI вв. (Памяти Дмитрия Юрьевича Арапова): Коллективная монография.* (2021). Алатая.
- Исторический архив Омской области (ИАОО). (1856–1859). Ф. 67. Оп. 1. Д. 729.
- Исторический архив Омской области (ИАОО). (1858). Ф. 3. Оп. 3. Д. 4291.
- Исхаков, С. М. (2014). Мировая война и мусульманская общественность в России. *Вестник ТвГУ. Серия «История»*, 4, 23–37.
- Ищенко, О. В. (2016). Конфессиональный фактор в развитии образования на сибирской окраине Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. В *Азиатская Россия: Люди и структуры империи* (с. 239–248). Полиграфический центр КАН.
- Карих, Е. В. (2004). *Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в.* Издательство Томского университета.
- Квакин, А. В. (2007). Российская культурно-миграционная система и Российское государство. *Социум и власть*, 3, 37–40.
- Клюева, В. П. (2005). Православие и ислам в Западной Сибири (конец XVII – середина XVIII в.): Проблемы взаимодействия. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*, 5, 131–137.
- Литвинов, В. П. (2016). «Святые места» мусульман Туркестана как центры антироссийской деятельности турецкой агентуры (вторая половина XIX – начало XX в.). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, 15(2), 55–65.
- Литвинов, В. П. (2020). Хранители «святых мест» в Средней Азии и Российское государство (1865 – 1917 гг.). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, 19(4), 781–792. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-781-792>
- Лысенко, Ю. А. (2012). Вопрос о воинской повинности для казахского населения (70-е гг. XIX – начало XX в.). *Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, Политология*, 4–2, 158–162.
- Лысенко, Ю. А., Анисимова, И. В., Тарасова, Е. В., & Стурова, М. В. (2014). *Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: Концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.)*. Азбука.
- Набиев, Р. А., & Гафаров, А. А. (2012). Связи с исламским миром как фактор укрепления единства и традиций российских мусульман (XIX – начало XX в.). *Ученые записки Казанского университета*, 154(3), 36–47.

- Наличное население обоого пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. (1905). Издательство Центрального Статистического комитета Министерства внутренних дел.
- Нам, И. В. (2000). Татарские школы в дореволюционном Томске. В *Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области)* (с. 73–86). Издательство ТГУ.
- Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). (1852-1860). Ф. 295. Оп. 3. Д. 3270.
- Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). (1898). Ф. 295. Оп.11 Д. 689.
- Недзелюк, Т. Г. (2023). Источники для изучения государственно-конфессиональной и международной политики в Степном генерал-губернаторстве (по материалам Центрального государственного архива Республики Казахстан). *Народы и религии Евразии*, 28(2), 154-166. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2023\)2-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2023)2-08)
- Нуриманов, И. А. (2007). Сравнительный анализ паломнической традиции мусульман Российской Империи и христианского паломничества. В *Современные проблемы и перспективы развития исламоведения, востоковедения и тюркологии: Сборник материалов*. http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/histori_nurimanov.htm
- Нуриманов, И. А. (2019). Становление паломнических маршрутов мусульман Российской империи в Аравию во второй половине XIX – начале XX в. *Вестник московского университета. Востоковедение*, 2, 74–90.
- Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. (1989). В *Российское законодательство X–XX вв.: В 9 томах: Т. 7. Документы крестьянской реформы*. Юридическая литература.
- Патканов, С. К. (1911). *Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири (Т. 2)*. Типография Императорской академии наук.
- Патканов, С. К. (1912). *Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири (Т. 3)*. Типография Императорской академии наук.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. LXXV. (1904a)*. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. LXXVIII. (1905)*. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. LXXXIII. (1904b)*. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел.
- Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. XXVI. (1904c)*. Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). (б. д.). Издание I. Т. XVIII. №13336.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). (б. д.). Издание III. Т. VI. №3814.
- Почекаев, Р. Ю. (2017). Эволюция правового статуса бухарцев в российском законодательстве XVIII – XIX вв. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 21(1), 53–70. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2017-21-1-53-70>
- Редкозубов, А. Д. (2015). Ислам в Российской империи. *Humanityspace. International almanac*, 4(5), 987–993.

- Ремнев, А. В. (2006). Татары в казахской степи: Соратники и соперники Российской империи. *Вестник Евразии*, 4, 5–32.
- Романовская, Л. Р. (2006). Государственно–религиозная политика по отношению к мусульманам: Перелом на рубеже веков (XVIII–XIX века). *Вестник Чувашского университета*, 4, 149–152.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1862–1869). Ф. 1286. Оп. 23. Д. 1329.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1863). Ф. 1265. Оп.12. Д.75.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1868). Ф. 821. Оп. 8. Д. 661.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1895–1897). Ф. 1291. Оп. 84. Д. 14.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1907–1916). Ф. 391. Оп. 3. Д. 586.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1910). Ф. 1291. Оп. 84. Д. 105.
- Таиров, Н. И. (2008). Татарские предприниматели на всероссийских ярмарках (вторая половина XIX – начало XX веков). *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: гуманитарные науки*, 150(1), 92–99.
- Тихонов, А. К. (2008). *Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в.* СПбГУ.
- Томилов, Н. А. (1981). *Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в.* Издательство ТГУ.
- Тычинских, З. А. (2017). Татарское купечество в Тобольской губернии в XIX – начале XX в. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусство-ведение. Вопросы теории и практики*, 12–3, 196–198.
- Тычинских, З. А. (2021). О некоторых особенностях формирования группы тобольских бухарцев в XVI–XIX веках. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология*, 20(3), 109–121. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-3-109-121>
- Центрально-Азиатский регион Российской империи в условиях фронтальной модернизации. (2021). Издательство Алтайского университета.
- Шершнева, Е. А. (2024). Основные направления государственно-конфессиональной политики в отношении мусульманских общин Восточной Сибири во второй половине XIX - начале XX в. *Народы и религии Евразии*, 29(1), 145–169. [https://doi.org/10.14258/10.14258/nreur\(2024\)1-10](https://doi.org/10.14258/10.14258/nreur(2024)1-10)

References

- Arapov, D. Yu. (2004). *Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiyskoy imperii (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX vv.)*. Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova. (In Russian).
- Bakieva, G. T. (2017). Sibirsko-tatarskie kupty Tobol'ska v kontse XIX – nachale XX veka. In *Rossiyskaya provintsiya kak sotsiokul'turnoe pole formirovaniya grazhdanskoj i natsional'noj identichnosti: Sbornik statej* (pp. 27–30). Elabuzhskiy institut (filial) federal'nogo gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya “Kazanskiy (Privolzhskiy) federal'nyy universitet”. (In Russian).

- Barantseva, N. A. (2009). Pereselenie v Eniseyskuyu guberniyu vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka: Etosotsial'nye i demograficheskie aspekty. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 38, 33–40. (In Russian).
- Belich, I. V. (2004). O religioznykh voynakh uchenikov sheykha Bagauddina protiv inorodtsev Zapadnoy Sibiri. In *Problemy istorii Kazani: Sovremennyy vzglyad: Sbornik statey* (pp. 480–503). (In Russian).
- Boyko, V. P. (2009). *Kupechestvo Zapadnoy Sibiri v kontse KhVIII – XIX v. Ocherki sotsial'noy, otraslevoy i mental'noy istorii*. Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. (In Russian).
- Brukhanova, E. A., Nezhentseva, N. V., & Chekryzhova, O. I. (2021). Muslim Population in the Siberian Cities according to the Census of 1897. *Journal of Frontier Studies*, 6(4), 135–154. <https://doi.org/10.46539/jfs.v6i4.338> (In Russian).
- Dashkovskiy, P. K., & Shershneva, E. A. (2015). The Religious Politics of the Russian Empire in Relation to the Muslim Population in the second half of XIX – early XX century. *Worldview of the Population of Southern Siberia and Central Asia in the Historical Retrospective*, 8, 242–264. (In Russian).
- Dashkovskiy, P. K., & Shershneva, E. A. (2023). Hajj as an Element of Spatial Mobility of the Muslim Population of Siberia in the Context of the State-Confessional Policy of the Russian Empire in the Second Half of the 19th to Early 20th Centuries. *Journal of Frontier Studies*, 8(3), 90–110. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.512> (In Russian).
- Historical Archive of the Omsk Region (HAOR). (1856–1859). F. 67. In. 1. C. 729. (In Russian).
- Historical Archive of the Omsk Region (HAOR). (1858). F. 3. In. 3. C. 4291. (In Russian).
- Ishchenko, O. V. (2016). Konfessional'nyy faktor v razvitii obrazovaniya na sibirskoy okraine Rossiyskoy imperii v kontse XVIII – nachale XX vv. In *Aziatskaya Rossiya: Lyudi i struktury imperii* (pp. 239–248). Poligraficheskiy tsentr KAN. (In Russian).
- Iskhakov, S. M. (2014). World War I and the Muslim Community in Russia. *Vestnik TvGU. Seriya "Istoriya"*, 4, 23–37. (In Russian).
- Islam v Rossii i Evrazii XVI – XXI vv. (Pamyati Dmitriya Yur'evicha Arapova): Kollektivnaya monografiya.* (2021). Alateya. (In Russian).
- Ivonin, A. R. (2011). Etnokonfessional'naya situatsiya v gorodakh Zapadnoy Sibiri v doreformenny period. In *Izbrannye trudy Aleksandra Romanovicha Ivonina po istorii Sibiri* (pp. 108–113). I. (In Russian).
- Karikh, E. V. (2004). *Mezhethnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoeniya. XIX – nachalo XX v.* Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (In Russian).
- Klyueva, V. P. (2005). Pravoslavie i islam v Zapadnoy Sibiri (konets XVII – seredina XVIII v.): Problemy vzaimodeystviya. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 5, 131–137. (In Russian).
- Kvakin, A. V. (2007). Rossiyskaya kul'turno-migratsionnaya sistema i Rossiyskoe gosudarstvo. *Sotsium i vlast/Society and Power*, 3, 37–40. (In Russian).
- Litvinov, V. P. (2016). Turkestan Muslims' "Holy Places" as Centres of Antirussian Activities of Turkish Secret Service (second half of 19th – early 20th centuries). *RUDN Journal of Russian History*, 15(2), 55–65. (In Russian).

- Litvinov, V. P. (2020). Custodians of Holy Places in Central Asia and Russian State (1865-1917). *RUDN Journal of Russian History*, 19(4), 781-792. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-781-792> (In Russian).
- Lysenko, Yu. A. (2012). The Issue of Compulsory Military Service for the Kazakh Population (70-s of the XIX century – the beginning of XX century). *Izvestiya of Altai State University*, 4-2, 158-162. (In Russian).
- Lysenko, Yu. A., Anisimova, I. V., Tarasova, E. V., & Sturova, M. V. (2014). *Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noy politike Rossiyskoy imperii: Kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.)*. Azbuka. (In Russian).
- Nabiev, R. A., & Gafarov, A. A. (2012). Contacts with the Islamic World as a Strengthening Factor for the Unity and Traditions of Russian Muslims (19th – Early 20th Century). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki*, 154(3), 36-47. (In Russian).
- Nalichnoe naselenie oboego pola po uezdnam, s ukazaniem chisla lits preobladayushchikh rodnykh yazykov.* (1905). Izdatel'stvo Tsentral'nogo Statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).
- Nam, I. V. (2000). Tatarskie shkoly v dorevol'yutsionnom Tomske. In *My – tomichi, vashi zemlyaki, vashi sosedi (Natsional'no-kul'turnaya panorama Tomskoy oblasti)* (pp. 73-86). Izdatel'stvo TGU. (In Russian).
- National Archive of the Republic of Bashkortostan (NA RB). (1852-1860). F. 295. In. 3. C. 3270. (In Russian).
- National Archive of the Republic of Bashkortostan (NA RB). (1898). F. 295. In.11 C. 689. (In Russian).
- Nedzelyuk, T. G. (2023). Sources for the study of state-refessional and international policy in the steppe general-governance (by the materials of the Central state archive of the Republic of Kazakhstan). *Nations and religions of the Eurasia*, 28(2), 154-166. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2023\)2-08](https://doi.org/10.14258/nreur(2023)2-08) (In Russian).
- Nurimanov, I. A. (2007). Sravnitel'nyy analiz palomnicheskoy traditsii musul'man Rossiyskoy Imperii i khristianskogo palomnichestva. In *Sovremennyye problemy i perspektivy razvitiya islamovedeniya, vostokovedeniya i tyurkologii: Sbornik materialov*. http://www.idmedina.ru/books/materials/turkology/1/histori_nurimanov.htm (In Russian).
- Nurimanov, I. A. (2019). Formation of the Muslim Pilgrimage Roots from the Russian Empire to Arabia in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 13: Vostokovedenie*, 2, 74-90. (In Russian).
- Obshchee polozhenie o krest'yanakh, vyshedshikh iz krepostnoy zavisimosti. (1989). In *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X-XX vv.: V 9 tomakh: Vol. 7. Dokumenty krest'yanskoy reformy*. Yuridicheskaya literatura. (In Russian).
- Patkanov, S. K. (1911). *Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoy sostav naseleniya Sibiri* (Vol. 3). Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk. (In Russian).
- Patkanov, S. K. (1911). *Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoy sostav naseleniya Sibiri* (Vol. 2). Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk. (In Russian).
- Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: Vol. LXXV.* (1904a). Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).
- Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: Vol. LXXVIII.* (1905). Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).

- Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.*: Vol. LXXXIII. (1904b). Izдание Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).
- Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.*: Vol. XXVI. (1904c). Izдание Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).
- Pochekaev, R. Y. (2017). Evolution of the Legal Status of Bukharans in Russian Legislation of the 18th-19th cc. *RUDN Journal of Law*, 21(1), 53–70. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2017-21-1-53-70> (In Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imenii (PSZ. (n. d.). *Izдание I. T. XVIII. №13336.* (In Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ). (n. d.). *Izдание III. T. VI. №3814.* (In Russian).
- Redkozubov, A. D. (2015). Islam v Rossiyskoy imperii. *Humanityspace. International almanac*, 4(5), 987–993. (In Russian).
- Remnev, A. V. (2006). Tatars v kazakhskoy stepi: Soratniki i soperniki Rossiyskoy imperii. *Vestnik Evrazii*, 4, 5–32. (In Russian).
- Romanovskaya, L. R. (2006). Gosudarstvenno-religioznaya politika po otnosheniyu k musul'manam: Perelom na rubezhe vekov (XVIII–XIX veka). *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 4, 149–152. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1862–1869). F. 1286. In. 23. C. 1329. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1863). F. 1265. In. 12. C. 75. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1868). F. 821. In. 8. C. 661. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1895–1897). F. 1291. In. 84. C. 14. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1907–1916). F. 391. In. 3. C. 586. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1910). F. 1291. In. 84. C. 105. (In Russian).
- Shershneva, E. A. (2024). The main directions of state-confessional policy towards the muslim communities of Eastern Siberia in the second half of the XIX – early XX century. *Nations and Religions of Eurasia*, 29(1), 145–169. [https://doi.org/10.14258/10.14258/nreur\(2024\)1-10](https://doi.org/10.14258/10.14258/nreur(2024)1-10) (In Russian).
- State Archive of the Russian Federation (SA RF). (1890). F. 102. In. 47. C. 314. (In Russian).
- State Archive of Tomsk Region (SATR). (1854–1855). F. 3. In. 2. C. 624. (In Russian).
- State Archive of Tomsk Region (SATR). (1877–1878). F. 125. In. 1. C. 597. (In Russian).
- Tairov, N. I. (2008). Tatar Entrepreneurs on the All-Russian Fairs. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta Seriya Gumanitarnye Nauki.*, 150(1), 92–99. (In Russian).
- Tikhonov, A. K. (2008). *Katoliki, musul'mane i iudei Rossiyskoy imperii v posledney chetverti XVIII – nachale XX v.* SPbGU. (In Russian).
- Tomilov, N. A. (1981). *Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – pervoy chetverti XIX v.* Izdatel'stvo TGU. (In Russian).
- Tsentral'no-Aziatskiy region Rossiyskoy imperii v usloviyakh frontirnoy modernizatsii.* (2021). Izdatel'stvo Altayskogo universiteta. (In Russian).

- Tychinskikh, Z. A. (2017). Tatar Merchant Class in Tobolsk Province in the XIX – at the beginning of the XX century. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 12–3, 196–198. (In Russian).
- Tychinskykh, Z. A. (2021). Features of Formation of the Tobolsk Bukharians Group in the 16th – 19th Centuries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 20(3), 109–121. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-3-109-121> (In Russian).
- Vasil'ev, D. V. (2006). Istoriya islamskoy politiki v Rossiyskoy imperii. In *Forumy rossiyskikh musul'man na poroge novogo tysyacheletiya* (pp. 27–36). Izdatel'stvo Nizhegorodskogo islamskogo medrese “Makhinur”. (In Russian).
- Vodkova, V. N. (2007). Knizhnaya kul'tura Sibirskikh tatar (XIX – nachalo XX v.). *Bibliosfera*, 2, 5–12. (In Russian).
- Zakharov, V. Yu., & Suzdaleva, T. R. (2023). On the Eve of the “Great Game”: Specifics of the Russian Empire’s Policy in Central Asia in the 18th to the First Half of the 19th Centuries. *Journal of Frontier Studies*, 8(3), 15–34. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3.530> (In Russian).
- Ziyaev, Kh. Z. (1968). *Uzbeki v Sibiri (XVII–XIX vv.)*. “Fan”. (In Russian).
- Ziyaev, Kh. Z. (1983). *Ekonomicheskie svyazi Sredney Azii s Sibir'yu v XVI–XIX vv.* “Fan”. (In Russian).